

Василий Буслаев (4)

А молодой Васильюшко Буславьевич
Сделал он задернул свой почестный пир,
А чтобы тут еще да всяко званье-то
А шло бы да к Василью на почестный пир.
Как тут-то мужики-ты новгородский
Приходят к Васильюшко Буславьеву
А на тот-то почестный пир.
Как тот этот Васильюшко Буславьевич
А начал их встречать да ухаживать,
А тых мужиков да новгородских.
Как взял-то он, Васильюшко, чернóй-от вяз,
Как подскочил Васильюшко к малому к упавому Потанюшке,
Как ударил он, Васильюшко, Потанюшку,
Ударил он его тут черным вязом;
Стоит-то тот Потанюшко, не стряхнется,
А желтый кудёрка не сворохнутя, —
А то моя дружинушка хоробрая!
Садил его, Потанюшку, в большой угол,
А во большой угол еще за большой-от стол,
Кормил, поил Потанюшку до досыти,
А досыти Потанюшку да дóпьяна.
Опять-то взял Васильюшко чернóй-от вяз,
Как тут скорó Васильюшко подскакивал,
Ударил-то Васильюшко да Фомушку,
Толстого Фóму благоуродлива;
Стоит тут Фома, да ведь не стряхнется,
Желтый кудерка не сворохнутя, —
А то моя дружинушка хоробрая!
Садил он и Фóму за большой-от стол,
За большой его стол во большóй угол,
Кормил, поил еще он Фомушку
А досыти его и допьяна.
Роздрáжил он мужиков новгородских-тых;
Как тут ты мужики да новгородский
А тут-то ведь оны да приудумали:

— А сделамте, робята, свой почестной пир,
Не позовем-то мы Василья да Буславьева.

Как тут оны Васильюшка не пóзвали,
Как этот-то Васильюшко Буславьевич
А скоро молодец он отправляется,
Скоро ён удалый снаряжается,
А со тыма дружинамы с хоробрыма,
С малым с упавым с Потанюшкой,
С толстым еще с Фомой благоуродливым.
Как приходит Василей на почестной пир
А к тыим мужикам да к новгородским,
Воспромолвят мужики тут таково слово:
— А незваному ведь гостю zde места нет.

Говорит Василей таково слово:
— А завному-то гостю много чести наб,
Незваному-то гостю как и бóг пришло.
Садился тут Василей за большой-от стол,
За большой ведь стол да во большой угол,
А оны ели, пили тут и кушали.
Как тут-то мужикам да стало зарко-то.
Да наб-то мужикам ёго концать еще,
Да того Васильюшка Буславьева,
А говорят-промолвят таково слово:
— Ай же ты Васильюшко Буславьев был!
Попишем-ко с тобой мы да пописи,
Поположим-ко да с тобой еще заповедь,
А с утра нам да раным ранёшенько
На тот на мосточик на Волховой,
А будем станем драться мы, ратиться
А мы с тобой с удалым со молодцом,
С толстым Фомой еще с благоуродливым,
С маленьким с упавеньким Потанюшкой.
Чтобы ты с утра да был ранёшенько,
Шел бы на мосточик на Волховой
А со тыма с дружинамы с хоробрыма.

Как тут оны наелиси, напилиси,
Как вси оны тут накушались,
Стали тут они да пьянёшеньки,
А сделали большо тут рукобитыцо;

Тут-то разошлись да ўтра бы.
Прознала это дело тут Васильева матушка,
Пало тут еще к ей известьицо,
Наб-то драться Васильюшку Буславьеву
Со своима со дружинамы с хоробрыма
А на тоем мосточику на Волховом.
Ну приходил Васильюшко назад домой
Ко своей ко родной ко матушке,
Ко честной вдовы к Офимье к Олександровной.
Как тут эта Васильёва матушка
Положила спать во погребы глубокии,
Замнула молодца его во погребы.
Как тот этот Васильюшко спать-то лег,
Прошла-то тая ночка тут темная,
Приходит-то день тут да светлый.
Как ты эти дружинушки хоробрыи
Ставают-то по утру ранешенько,
Умываются да белёшенько,
А трутся-то миткалиновым полотенушком,
А знают-то, что у их е поделано.
Как скоро шли на мосточик на Волховой,
Как начали оны тут биться-ратиться
С тымá-то мужикамы с новгородскима.
Как день бьются они не едаючи,
А другой-то ёны не пиваючи,
Отдоху молодцам не даваючи,
И третий день начáли-то биться тут,
Как третий день оны тут, третью ночь.
Как тут-то у дружинушки хоробрыи,
Стали у их головушки были переломаны,
Переломаны головушки розбитыи,
Платками тут головки перевязаны,
А кушачкамы-то были переверчены.
Как тут этот Василей сын Буславьевич
Спит он, молодец, тут проклаждается,
А над собой незгодушки не ведает,
Как ёго были дружины-ты хоробрыи
Прибиты у его, головки переломаны.
У его-то девка-та была придворная,

Выходит-то на реченку Волхово,
Выходит за водой с водоносом-то,
А смотрит на дружин-тых хоробрых,
На малого упавого Потанюшку,
А на толста́ еще Фому благоуродлива, —
А у их все головки переломаны,
Платкамы-то головки переверчены,
Кушачками-то были тут перевязаны.
Как скоро тут она да скорым скоро
Бежала тая девка тут ко погребу,
Ударила тут она еще водоносом-тым
А по тому замку по булатному;
Отпал тут замок на сыру землю,
Растворила да она дверь тут дубовую.
Прошли-то ведь тут трои сутки.
Ото сну богатырь пробуждается,
Как тот этот Василий сын Буславьевич.
Крычит-то тут ведь девка громким голосом:
— Да ах ты сын Василий е Буслаев был!
Спишь ты молодец, сам проклаждаешься,
А над собой незгодушки не ведаешь,
Как у твоих дружин все у хоробрых,
У их как головушки были переломаны,
Розбитыи, платкамы перевязаны.

Как тут ото сну богатырь пробуждается,
На улицу сам он помётается,
Как выскочил он в тонких белых чулочиках без чоботов,
В тонкий белый рубашки сам без пояса,
А ухвátил-то ось тележную железную,
Бежал он на мосточик на Волховой.
Как ино тут-то он воспрóговорит:
— Ай мо́и дружинушки хоробрыи!
Ай укротите вы да сердце богатырское,
Я топерь за вас нунь пороботаю,
А подьте-тко вы братцы на отдóх-то нунь.

Как тут пошли дружинушки хоробрыи,
Тут они пошли да на отдох-то е.
Как начал тут Васильюшко помахивать
Той-то осью да тележной железною,

Куды махнет — тут станут да улицы,
А перемахнет — туды да переулочки.
Как начал тут Васильюшко роботати,
Как видят тут мужики, что беда пришла,
Беда-то та пришла тут неминучая,
Как тут-то ведь оны да приудумали:
— Как бы нам еще да супротивиться?

Как тут-то ведь оны да еще пошли, —
А был там жил еще в монастыри
Старчищо там жил pereгримищо.
Как приходят мужики-ты новгородскии,
Клонятся самы́ ему, молятся:
— Ай ты старичищо есть pereгримищо!
Послушай мужиков нас новгородских ты.
Дадим те мы чашу красна золота,
А дрúгую дадим да скачна жемчугу,
Третьюю еще да чиста серебра.

На то-то ведь уж он да укидается,
Позвался-то он ведь да за их пошел
А ехать-то на мосточик-тот на Волховой,
А драться со Васильюшком Буславьевым.
Навалил он колокол да двенадцать пуд,
Навалил он к себе да на гóлову,
А садился тут он на добра коня,
Как ехал он ко риценки Волхову,
Ко тому мосточику ко Волховску,
А заезжает на мосточик он на Волховой,
Сам кричит он громким голосом:
— Да ах же ты Васильюшко Буславьевич!
Малолетно ты дитя не запурхивай,
Прямоезжеей дорожки не заваливай.

Как он-то тут Васильюшко ответ держит:
— Да ах же ты да мой крёстный батюшко,
А старчищо ты был есть pereгримищо!
Не дал ти яичко о Христови дни, —
Дак дам я ти яичко о Петрови дни.
Как скоро тут Васильюшко подскакивал,
Ударил-то он осью в колокол-то был,
А розвалился тут колокол на дви стороны;

А в других переправил ёго й в голову,
Спихнул его в риченку во Волхово,
Со тым спихнул да со добрым конём.
Как видят мужики, что тут беда пришла,
Беда-то та пришла да неминучая,
Как тут оны опять да скоро думали,
Бежали тут к Васильевой да матушки,
Говорят-промолвят таково слово:
— Да ах же ты Васильева да родна матушка,
Честна вдова Офимья Александровна!
Повыручи от смерти безнапрасны.

Как тут честна вдова Офимья Александровна
Скорым скоро, скоро да скорешенько,
Бежала на мосточик-то на Волховой
В тонкии белыи рубашечки без пояса,
В тонкиих белых чулочичках без чоботов.
Заходила на мосточик на Волхов тот,
Скочила сзади-то к Василью на могучи́ плеча,
Закрычала тут она во всю голову:
— Да ах же ты дитя моё милоё,
Ай же ты да чадо любимое,
А молодой Васильюшко Буславьевич!
Ах ты меня старушеньки послушай зде,
А укроти ты сердце богатырское,
Полно бить те мужиков новгородских,
Остав ты мужиков хоть на сима́на.
— Ай же ты моя родна матушка,
Честна вдова Офимья Александровна!
Ты была ведь матушка догадлива,
А ладно ты ведь матушка удумала,
Скочила ты на плечи да сзади мня.
А бы в торопях есть в озарности
Убил бы тя старушку не за что-то я.
Да нунь же, моя матушка, послушаю,
Когда просишь ты меня добра молодца,
Я ведь нуньчу матушку послушаю.

Да укротил тут сердце богатырское,
Пошел-то он со матушкой домой-то тут.
А молодой Васильюшко Буславьевич,

Он ходил гулял по чисту полю,
А со тыма с дружинамы с хоробрыма,
С толсты́м Фомой еще с благоуродливым,
А с маленьким с упавеньким Потанюшкой.
Как приходит молодой Василий сын Буславьевич,
Лежит-то тут уж как ведь на чистом поли
Пустая голова человеческая.
Как тут этот Василий сын Буславьевич
Скоро к головы он подскакивал,
А своим-то он чоботом подфатывал,
Пнул он эту голову Васильюшко.
Как улетела голова тут по подоблачью,
Пала голова тут на сыру землю,
Сама она ему тут воспровещила:
— Да ах же ты Василий сын Буславьевич!
Почему ж меня заразил топерь?
Лежала голова я ведь тридцать лет,
Да никто-то меня ведь не пинывал,
Да никто же как меня тут не ранивал,
Как ты-то ведь уж нунь пнул, заразил меня.
Как будешь ты гулять во чистом поли,
А не забудь-ко ты этого помистьица,
Пойдешь сюды да ты назад обратно бы,
Посмотри ты на меня на несчастну головушку.

Как тут гулял Васильюшко в чистом поле
А со тыма с дружинамы с хоробрыма,
Находился, нагулялся там Васильюшко,
Пошел назад туды да обратно бы
Этым путем да дорогою.
Приходит он к уловному тому да помещьицу,
Где та голова тут лежала-то,
Как смотрит-то еще — ведь стала тут гора каменная.
Как смотрит тут Васильюшко Буславьевич,
Как на этой горы на каменной
Подпись-та была подписана:
«А кто-то тут через гору перескочит,
Перескочит через гору три́ разу,
Того-то тут да ведь господь простит;
Ах кто-то ведь есть не перескочит,

Тот будет трою проклят на веку-то был». —
Как тут этот Васильюшко Буславьевич, —
Разгорелось его сердце богатырское,
Скочил-то он через гору каменну.
Как этии дружинушки хоробрыи,
А маленькой упавенькой Потанюшка
И толстый Фома благоуродливый,
Скакали-то оны да е со ратовьём.
Как тот этот Васильюшко Буславьевич
Да скочил назад еще через гору,
Да скочил он, Васильюшко, назад-пят был,
Как тут-то ведь Василей сын Буславьевич
Задел как своим чоботом сафьянным,
За тую гору да за каменну,
Поворотило как Васильюшка Буславьева
Внич его ведь, молодца, головушкой,
Как пал тут Василей о сыру землю,
Пришла тут Васильюшку горька́я смерть.
Как этии дружинушки хоробрыи
Скакали они три разú о ратовья.
Как тут эти дружинушки хоробрыи
Копали тут-то яму на чистом поли,
А распростилисе с Васильюшком Буславьевым,
Спустили как тут его во матушку сыру землю.
Только тут Васильюшку славы поют.

(Записано 26 июля 1871 г. в д. Марнаволок (Пудога) от Никифора Прохорова по прозвищу Утка, 51 года от рождения, крестьянина д. Бураково Купецкой вол.)

Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Санкт-Петербург, т. 1, 1894.